



САМАЯ
МИЛАЯ
ПАРА

МЭРИ КУБИЦА



INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К88

Mary Kubica
JUST THE NICEST COUPLE

© 2023 by Mary Kyrychenko

Кубица, Мэри.

К88 Самая милая пара / Мэри Кубица ; [перевод с английского С. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Ток. Domestic-триллер. Тайны маленького городка).

ISBN 978-5-04-225263-1

Джейк Хейз пропал. Это единственное, что известно наверняка. Сначала его жена Нина думает, что он просто ушёл к другу после их бурной ссоры накануне. Но проходит день. Два. Пять. А Джейк так и не появляется.

Лили Скотт, подруга и коллега Нины, подозревает, что именно она могла быть последней, кто видел Джейка перед исчезновением. Откровенно поговорив с мужем Кристианом, Лили решает: никто не должен узнать, что произошло в тот день, — особенно подруга.

Но Нина не останавливается — копает глубже. Идеальная картинка разваливается, дружба трещит. А правда? Она разрушит всех.

Пропавший муж — только начало.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Самуйлов С., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-225263-1 ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Для Рэйчел

ПРОЛОГ

Я замираю, пячусь. Вскидываю руку и зажимаю рот.

Голос в голове кричит: беги. *Беги.*

Не могу. Я парализована шоком и страхом. Они держат меня, как якорь держит корабль. Ноги словно приросли к земле. Не могу оторвать глаз, не могу поверить в то, что вижу. Я задыхаюсь, сердце колотится у горла, пульс бьется в жилке на шее, грохочет в ушах.

Беги, кричит голос в голове. Беги. Беги, черт возьми.

На земле, прямо передо мной, что-то шевелится. И звук, дикий и злобный. Сквозь страх и шок пробивается понимание, что если я не уйду сейчас, то, может быть, и не уйду отсюда живой.

Поворачиваюсь. Все случается мгновенно. Только что стояла как прикованная и вот уже мчусь, словно ветер, и мир проносится мимо смазанными формами и красками, пятнами и полосами — бурными, синими, зелеными. Я не чувствую движения ног. Не чувствую земли под ногами. Я не оглядываюсь, хотя меня так и тянет оглянуться, бросить взгляд через плечо — убедиться, что я одна. Что за мной никого нет. И все же я не оглядываюсь. Слишком рискованно. Оглянусь —

МЭРИ КУБИЦА

потеряю драгоценные секунды, а их у меня нет. Оглянусь — и эти секунды станут моими последними.

Звуки. Откуда? Не могу понять. Или это только мой пульс, моя кровь стучит в ушах?

Или там кто-то есть?

Что-то касается волос... спины. Я рвусь изо всех сил, лечу вперед и падаю, ударяясь коленями и локтями.

Мир застывает на месте.

В голове только две мысли: *остаться живой* и *все должно было случиться не так*.

Лили сидит в кожаном кресле в гостиной, спиной ко мне. Каштановые волосы рассыпались по подголовнику. Она смотрит на телевизор на противоположной стене, но он выключен. Сейчас телевизор — просто темный ящик, и я вижу в экране отражение Лили, вот только не могу сказать, открыты у нее глаза или нет.

— Эй, привет. — Я прохожу через гаражную дверь, тихонько закрываю ее за собой и снимаю обувь. Кладу на столик телефон и ключи. — Как прошел день?

Темнеет. Солнце вот-вот сядет.

Лили не включила свет, и в доме сумрачно и серо. Окна у нас смотрят на восток, так что красивых закатов мы не видим.

Лили не отвечает. Должно быть, уснула, прямо сидя в кресле. Такое с ней не впервые. В последнее время она очень устает. Беременность дает о себе знать, не говоря уже о том, что она преподает и едва ли не целый день на ногах. Ее это все выматывает. Раньше, приходя домой, я обычно заставал ее на кухне, где она готовила ужин, но в последние несколько недель после работы у нее не остается сил даже просто держаться на ногах. Что обед не готов,

меня не волнует. Я не из тех, кому обязательно требуется вечером домашняя еда, но Лили воспитана именно так. У них в семье мать всегда готовила обед для отца, и Лили считает, что должна делать то же самое для меня. Она и сегодня уже извинялась, что не в силах заняться готовкой, и жаловалась, что ее тошнит, так что я позвонил из машины и заказал доставку еды — ее привезут с минуты на минуту.

Тихонько вхожу в гостиную, обхожу кресло и останавливаюсь перед Лили. Я ошибся, предположив, что она уснула. Глаза у нее открыты, но выражение лица отсутствующее. Кожа серая, без намека на румянец, и я списываю это на плохое освещение.

Лили поворачивает голову и смотрит на меня, как будто в замедленной съемке.

— Эй, ты в порядке? — негромко спрашиваю я и улыбаюсь. — Не разбудил?

Включаю настольную лампу, и Лили жмурится от яркого света; глазам нужно время, чтобы привыкнуть. Извиняюсь и, присмотревшись, понимаю, что причина ее бледности не в слабом освещении.

Волосы у Лили влажные; на ней бордовые джогеры и худи. Значит, вернувшись домой, она приняла душ и переоделась; для нее это много. Больше, чем обычно. Зачастую она просто падает на диван и не встает, пока не придет время ложиться спать.

Я опускаюсь перед ней на колени. Протягиваю руку, глажу по волосам.

— У тебя усталый вид, милая. Хочешь в постельку? Я могу помочь тебе подняться. Скоро привезут заказ, и я принесу поесть в комнату.

Лили трижды моргает, как будто у нее туман в глазах, и наконец отвечает. Голос поначалу хриплый и сухой, как будто она весь день кричала на трибуне, подбадривая любимую футбольную команду. Впрочем, день преподавания математики в школе отнимает не меньше сил и уничтожает не меньше нервов.

— Нет. — Она качает головой. — Я в порядке. Просто устала. Такой долгий день.

— Точно не хочешь? Я бы и сам не против поесть в постели. — У меня тоже был долгий день, но сравнивать несправедливо, ведь она носит нашего ребенка.

— Представляю, как мы все испачкаем.

— Обещаю, что буду аккуратен.

Лили улыбается, и мое сердце тает. Люблю, когда она мне улыбается.

— Когда это ты был аккуратным?

— Никогда, — признаюсь я. Она уже подшучивает надо мной, и мне легче. Я много читал о том, как проходит беременность у женщин, и знаю, что в первом триместре они устают так, как не уставали никогда в жизни. Вынашивание ребенка отнимает много сил. Вырастить его тоже дело нелегкое, но до этого нам еще далеко.

— Тебе что-нибудь нужно? — спрашиваю я, и она качает головой.

Вот и заказ доставили.

Уговариваю Лили сесть со мной на диван, где помещаемся мы оба. Смотрим телевизор и заодно рассказываем друг другу, как прошел день. Сегодня она больше молчит и слушает. Я работаю аналитиком маркетинговых исследований, а Лили преподает алге-

бру в средней школе. Мы познакомились в колледже, где нас свела любовь к математике. Когда мы говорим об этом людям, они обычно смеются. Мы оба немного помешаны на математике.

Подходит время ложиться. Лили поднимается в спальню первой, и я слышу, как шумит вода, когда она умывается. Я прибираюсь после ужина, выбрасываю контейнеры из-под еды в мусорное ведро.

На крыльце меня ждет пакет. Я выхожу за ним на улицу. Ночь темна, хотя небо чистое. Наверное, это новолуние.

Возвращаюсь в дом. Лили стоит на верхней ступеньке лестницы, в темноте, но за спиной у нее свет из спальни. Она сняла те свои бордовые джоггеры, и теперь на ней моя фланелевая рубашка. Стоит одна нога на другой, волосы убраны назад, лицо еще мокрое после умывания.

— Не забудь запереть дверь, — говорит она через перила, промокая лицо полотенцем.

Я бы и без напоминания не забыл. Я никогда не забываю. Да Лили обычно и не напоминает. Поворачиваюсь, проверяю, закрыта ли штормовая дверь¹, потом закрываю и запираю на засов входную.

Наш дом стоит на большом участке. Снаружи он старый, но внутри полностью обновленный, современный, с верандой в стиле ранчо, балочными по-

¹ Штормовая дверь — дополнительная наружная дверь (часто легкая, со стеклом или сеткой), которую ставят перед основной, чтобы защитить вход от ветра, дождя, холода и сквозняков. — *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

толками и кирпичным камином. Лили влюбилась в него с первого взгляда, и я знал, что не смогу отказать, несмотря на цену. Более современных удобств в доме было предостаточно: холодильник, техника из нержавеющей стали, полы с подогревом и большая ванна с гидромассажем. В эстетическом плане дом как минимум приятен и имеет немало достоинств как объект недвижимости. Покупка обошлась недешево, но в тот момент я чувствовал, что оно того стоит, даже если нам и пришлось на какое-то время затянуть пояса.

На заднем дворе, у дальнего края участка, протекает река, вдоль которой проходит общественная пешеходная и велосипедная дорожка. Поначалу, когда мы только переехали, нас беспокоило некоторое отсутствие приватности. Дорожка приводит к нашему участку разных людей: незнакомцев и случайных прохожих. Большую часть года это не проблема, потому что кроны деревьев обеспечивают уединение. И только когда листья опадают, мы открываемся посторонним взглядам. Но, с другой стороны, вид на реку компенсирует это небольшое неудобство.

— Закрыл, — говорю я, имея в виду двери, и Лили спрашивает, включил ли я сигнализацию.

Мы прожили здесь несколько лет, и я уже не помню, когда включали сигнализацию, так что ее вопрос немного неожиданный.

— Все в порядке?

— Да, все хорошо. — Лили говорит, что раз уж у нас есть сигнализация и мы платим за нее, то почему бы

нам ею не пользоваться. Вообще-то жена права, просто раньше она об этом не вспоминала.

Я включаю сигнализацию, обхожу весь первый этаж, выключаю свет. На все уходит минута, вряд ли больше. Закончив, поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Лили уже выключила свет в спальне и стоит у окна, спиной к двери. Раздвинула пальцами жалюзи и всматривается в ночь.

Я неслышно подхожу к ней сзади, кладу руку ей на поясницу.

— На что ты смотришь? — Наклоняюсь, опускаю подбородок на ее плечо и тоже смотрю в щель.

Она вдруг отступает от окна и отдергивает руку от жалюзи. Я ее напугал. Лили инстинктивно сжимает кулаки, словно уже готова ударить меня.

Я делаю шаг назад и в сторону, уклоняясь от удара.

— Спокойно, Рокки.

Лили замирает с поднятыми руками.

— Черт, извини, — говорит она, поняв, что едва не ударила меня. Похоже, мы оба немного ошарашены.

— Что это было? — спрашиваю я и мягко беру ее за руки. Обычно Лили спокойнее. Вот такой, как сейчас, я никогда ее не видел.

— Не знала, что это ты.

— А кто еще это мог быть? — в шутку спрашиваю я. Кроме нас, в доме никого нет.

— Я не слышала, как ты поднялся. Думала, ты еще внизу, — объясняет она, не отвечая прямо на мой вопрос.

Конечно, это не объяснение.

— Что ты там увидела? — спрашиваю я, глядя мимо нее на окно.

— Мне показалось, я что-то услышала.

— На что это было похоже?

Лили говорит, что и сама не знает. Просто что-то услышала. Мы стоим, молчим, прислушиваемся. Сначала ничего, потом откуда-то издалека доносятся голоса. Кто-то смеется. Опять подростки дурачатся на дорожке. Это уже не впервые. Ничего плохого они не делают, но несколько раз мы находили окурки и пустые бутылки. Я отношусь к этому спокойно — сам был таким и отчебучивал кое-что похуже.

Я иду к кровати, отворачиваю одеяла.

— Это всего лишь дети. Бояться нечего. Давай, ложись.

Она отворачивается от окна, ложится рядом, но я все еще ощущаю какое-то ее беспокойство. Как будто мое объяснение ее не убедило.

НИНА

Должно быть, я уснула с включенным телевизором. Не знаю, что смотрела, но, когда очнулась, шли десятичасовые новости. Экран в темной комнате светится аляповатым пятном, звук гремит на весь дом. Лежу на диване, полузакрыв глаза. Сегодня в городе загорелся и обрушился многоэтажный жилой дом. На южной окраине произошла перестрелка. Это все плохие новости. Их показывают потому, что люди хотят видеть такое. Это болезнь. Дело не в том, что